

18+

эдуард **ЛИМОНОВ**

# поваренная книга насекомых

**стихотворения**



# Эдуард Вениаминович Лимонов

## Поваренная книга насекомых. Стихотворения

*Текст предоставлен правообладателем*

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=39568616](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39568616)*

*Э. Лимонов. Поваренная книга насекомых. Стихотворения: ООО*

*Издательство «Питер»; Санкт-Петербург; 2019*

*ISBN 978-5-4461-1185-5*

### Аннотация

«Стихотворения – это такие сгустки блевотины из жужжащих в более или менее больной голове связных и бессвязных звуков.

Идеальное стихотворение – это, очевидно, “Му-у!”.

Стихотворец же постоянно жмёт на педали: «организация текста», «придание тексту осмысленности», – и потому мы имеем стихотворения, подобные буржуазным пьесам, поставленным Станиславским или Немировичем-Данченко. Такие пьески. Или стихотворения-декларации.

Так, один и тот же Лермонтов написал великолепное “Бородино” и занудно правозащитное “И вы не смаете всей вашей чёрной кровью поэта праведную кровь”, что декларативно, пусто, на злобу дня и совсем не принадлежит к жанру стихотворений. Цели Лермонтов достиг, нарвался, его выслали. Тогда это было

легко, цари и сталины умели обижаться. Сейчас хоть писай в глаза – всё божья роса.

Я пишу всё хуже и хуже, потерял остроумие, держусь даже и непонятно на чём, но, думаю, читателю будет любопытно пролистать все мои “Му-у” и “Ох-х”, их он найдёт немало в этом сборнике. Читатель точно не найдёт Немировича-Данченко (одна фамилия как ещё противна!), в этом можете быть уверены.

Я пишу так, как мне гундят свыше».

Э. Л.

*Издание содержит нецензурную брань, публикуется в авторской редакции.*

# Эдуард Лимонов

## Поваренная книга

### насекомых. Стихотворения

© ООО Издательство «Питер», 2019

© Эдуард Лимонов, 2019

© Даниил Дубшин, фото, 2019

\* \* \*

Приснилось.

Мать приготовила яичницу.

От балкона влетели осы.

Ветерок колышет занавески.

Отец дома.

Это не воскресенье. Это вечность.

### Лето

Как горячо, полуодето,

Пространство пористого лета

Деревья с круглыми башками

И ёлки с длинными руками

И облака бесформенный тюфяк

Висит над нами кое-как

Идут студентки шумной бандой  
Ворона квохчет над верандой  
Кефир в мой жаркий рот струится  
И липа морщится и злится  
Под ветром (штопором во двор  
Ввинтился к нам с недавних пор)

Ты было трогательным, лето,  
И ты останешься таким  
Где император Никодим  
Пел с Афанасием дуэтом  
И город был непроходим  
Своим и мясом и скелетом

Топился в плошках маргарин  
И блохи нас одолевали  
В калошах я ходил один  
В грязи калоши утопали

Был Салтовки немолчен гул  
Трамваи на «кольцо» сходились  
И ветер беспрерывно дул  
И книги беспрерывно злились

Я всё читал, читал, читал  
Я всё входил в её подвал  
В твой узкий лаз, библиотека!  
Звучал бетховенский хорал,  
Или там баховский хорал...  
О притягательности греха...

И неба синего кусок,  
И птичек нежный голосок  
Всё радует меня  
При зарожденье дня...

Ещё не встал, уже не сплю  
В подушку легкую соплю  
Как парень молодой  
Ты встретишься со мной...

Наступит завтра, ты придёшь  
И ножку ножкою потрёшь,  
И станешь, словно кошка,  
Отставив зад немножко...

О том, что я тебя люблю  
И нас с тобой дотла спалю  
Ты знаешь? Ты дрожишь?  
Но всё ко мне спешишь...

Мосты смывает по реке  
И сообщения нет  
Десяток сёл живут в тоске,  
Как острова на сквозняке,  
Пропал электросвет...

Зато какой от дров угар!  
Зато какая тишь!  
Стоишь на лодке. Земной шар,  
Ты подо мною спишь.

Свечу зажег, и домовой  
Пришёл к тебе на чай.  
А вот и леший с бородой  
Стучится невзначай...

Русалка плещется в саду  
Лежит, и брюшко – шёлк  
Сидит и воет на луну  
Спокойный летний волк

Соседка с пышными грудьми  
Пришла, как хорошо!  
А то забыли меж людьми,  
Как сладок корешок...

Что блюдо сочной саранчи  
Есть афродизиак  
Кричи, красавица, кричи  
Не отпущу никак...

Приморье залито водой  
Стоят все поезда,  
Ну, наконец, и мы с тобой  
Счастливы. Но ведь да...

У тебя отец учёный  
Он готовит на Луну  
В её климат кипячёный  
Экспедицию одну

Ты работаешь в журнале  
Ты красива и остра  
Родилась ты в Трансваале,  
И звезда твоя сестра

У тебя развод, квартиры  
И высокие мужчины,  
Но черны над нами дыры.  
И года, как гильотины

Красной щёткой от причёски  
В меня целятся присоски  
Менеджер, сойдишь со мной!  
Подо мною хрипло вой...

Нездоровый собеседник,  
Недоносок и изгой  
Я прочищу твой передник,  
Да и задник вздорный твой

Нахваталась математик!  
Физик налакалась ты!  
Что мой рыженький астматик,  
Что мой сгусток мерзлоты?

Какой же курс у йены?  
А в Африке гиены  
Над мраморной плитой...  
Какой же курс у йены?  
Какой? Какой? Какой?

Любой из всех Курильских  
Годится островов  
Чтобы построить базу  
Для воинских судов...

Там плавают японцы  
Со времени войны  
Глаза у трупов к солнцу  
Собой обращены

Подлодка проржавела  
И сквозь медузы стай  
Своей десницей белой  
Архангел Николай

Грозится азиатам  
Что с пленками у глаз  
И варварам крылатым  
Нас победить не даст

Не ешь консервы эти!  
Они заражены!  
Не знают что ли дети  
Про правила войны...

Нагие краснофлотцы  
Лежат на дне в желе  
Японские подлодки  
Как порт Па-де-Кале...

Мир тайного блаженства

Сквозь водорослей йод  
И йод, и эта йена  
Японский ведь народ

Женился йод на йене  
Уже который год  
В одном из двух селений  
Он с девкою живёт

Японочки, носочки,  
Их странное порно.  
Войны кровавой дочки  
В прозрачных кимоно...

История становится горячѐй,  
Четыре после полудня  
Идут два фельдшера, без врачей  
В сером растворе будня

Пересекают пустынный двор,  
Пусто, жара, воскресенье...  
Лето, как по голове топор,  
Вот их какое мнение...

Самую жалкую из старух,  
Бог, что прибрал сегодня?

Этою ночью, часов так с двух  
Воля его, Господня!

Синей пижамою облачены  
И на спине с крестами,  
В шапочках старые пацаны  
Шаркают сапогами...

Падают самолёты  
С неба, как спелые груши,  
Невидимые частоколы  
В небе вдруг обнаружив...

В стены ударившись телом,  
Падают, осыпаясь,  
В голубовато-белом  
Облаке ошибаясь...

Я часто думаю о тех, кто получил  
Срока большие, мается, как в бане,  
Что баня – свою задницу помыл,  
И выскочил, дельфином в океане...

А на тюрьме сидеть, сидеть, сидеть...  
И кирпичи считать, и тараканов  
А о побеге думать и не сметь,

Учиться языку у мусульманов...

До каменности выжимать бельё  
Варить фигурки из пакетов пластика  
Ночами просыпаться: «Ё-моё!»  
А таракан к тебе, нечистый, ластится!

Башку еженедельно бритвой брить!  
Скоблить башку до лунного сияния  
Пожизненное нужно же прожить  
Чтоб умереть от кровоизлияния...

Я часто думаю о тех, кто получил  
Пыжа навечно, грубо и вульгарно,  
Как будто никогда он и не жил  
Квартирно, но всегда жил планетарно...

Скупы рассыпаны в небе нахмуренном  
Три вертолёта...  
Это в пространстве, вспенённом и всбуренном  
Три Дон-Кихота...

Звёзды надменные, иглоуколами  
Станут тягаться  
Детям когда-то с нежными школами  
Пришлось расстаться

Как мясорубки гудят напряжённые  
Словно игрушки  
А из расселин, вниз погружённые  
Ахают пушки...

Пли из расселины, будут заселены  
Горные склоны  
Три вертолёта железными целями  
Антициклоны...

Над палубой мокрый брезент парусов,  
А у моряков не хватает усов,  
Здесь что, мореходная школа?  
А, все они женского пола!

Привет, Афродиты, шикарные шлюхи!  
Стоящие возле штурвала Марухи,  
Елены, висящие под парусами  
Меня возбуждает, что вы не с усами...

Дождь моросил, и канонада  
Вдруг над горами раздавалась...  
И рота по холму спускалась,  
Лохматому от винограда

Вдруг выстрел, чёткий, одинокий  
И падает убитый хлопец  
Махновец или красножопец,  
А виноград такой глубокий...

Свободно вращаясь в бульёне  
Из звёзд, происшествий и снов  
Я вспомнил сегодня о Лёне  
Губанове. Был он каков...

Поэт, некрасивый мерзавец,  
Он за Вознесенским икал,  
Губастый, приземистый заяц,  
Московского лета шакал...

Полина, Полина, Полине...  
Стрелялся он с Родиной бы  
Горячий Челюскин на льдине  
Он плыл по течению судьбы

Кого ещё помнит эпоха?  
Да помнит кого-нибудь, чтоб  
Казалось что жили неплохо...  
На фоне Москвы и сугроб...

Что делать джентльмену рано?

Утюжить ласковую блядь?  
Иль оторвавшись от Корана  
Тертуллиана почитать?

Дарю тебе, Фифи, духи я  
Духи сама ты обоняй  
Но обладателя спорт-кия  
Мужчину к ним не привлекай

Что делать джентльмену к ночи?  
Взять девку или взять Коран?  
Бог знает что себе бормочет  
Седой, но статный хулиган

Возьми японскую газету  
И заверни в неё сакэ  
Бутылку тёпленькую эту  
Носи с собою налегкэ...

И лету наступил конец!  
Такой печальнейший конец  
И жизнь, из дробы барабана,  
Вдруг стала ёжик из тумана

Вдруг стала ватою сырой  
Она висит над головой

Слезливой песней ресторана...

Какая гнусь здесь за окном  
День ухает ночным сычом  
Какая мерзость влаги, слизи  
Не у Франциска из Ассизи

Но северное «не хочу»  
Я жить в такую половину.  
Когда Бог лепит свою глину  
А Дьявол дует на свечу...

## Гатчина

Зелёной Гатчины холмы,  
Что позади дворца столпились,  
Прогуливались здесь умы,  
И привиденья здесь светились...

Сам император, туфли с пряжками,  
Пил чай, стреляя в блюда с чашками.  
И на гармонике губной  
Играл в саду в полдневный зной...

Прекрасна Гатчинская мыза!  
О, украшение сервиза:

Екатерины, мамки злой,  
Здесь армию Павл раком ставил,  
Своих дворян служить заставил,  
Подвесив их вниз головой

В конечном счёте днями жаркими  
Здесь пёк яичницу со шкварками  
И мать-старуху проклинал,  
Потом магистром Мальты стал,  
Но англичане не влюбились,  
В конце концов его убили...

Вот ушла уже и Соня Рикель,  
Потому и мы, бородатые путники,  
занервничали,  
Просыпаемся рано, истаптываем грудными клетками по-  
стель,  
Мик, Мишель, Эдуар, Али...

Женщины живут не как мужчины живут  
Они ждут, что к ним подойдут  
Иногда, расхрабрившись, подходят сами,  
И тогда у них не получается, тогда они  
сморщиваются под небесами...

Я помню тот далёкий «русский» обед

Из трёх женщин – двух уже нет  
Сент-Андре дез Арт, некрасивую улицу  
В углу неба купол Сорбонны жмурится...

Реджин Дефорж умерла и Рикель умерла  
Жива ещё де Гито, которая со мной спала  
Где ты, де Гито, моя пьяница Гито,  
В каком ты едешь сейчас авто...?

Здравствуй, дедушка паук!  
Тот, что любит гарных мух  
И целует их, кусая.  
Чавкает, их выпивая,  
Проколов им животы  
Острым клювом. Здравствуй, ты!

Сети растянул и ждёшь,  
Возле ящика живёшь  
По соседству со стеной  
Тихой, пыльной и больной...

Здравствуй, мелкое чудовище,  
На мошонку ты похож.  
Мухи сладенького кровища  
Терпеливо тихо ждёшь...

Вот и мальчишки идут,  
Счас те лапки оторвут:  
«Коси-коси ножка, дрыгайся немножко!»

Я выходил с Данилой в магазин!  
Я двадцать лет не выхожу один  
Живу как долгосрочник, как зэка  
Солдат последний бывшего полка  
Не знает, что закончена война  
И что давно замирена страна...

Я выходил с Данилой в магазин!  
Там женщины и девушки спокойно  
Подросшие за эти двадцать зим,  
Еду в корзины складывают стройно  
И косятся, какой же странный Дед!  
Как допотопно, чучелом одет!

Я, в схроне просидевший двадцать лет,  
Сегодня вышел на прогулку в белый свет  
Я мог Данилу попросить сходить,  
Но посмотреть решил, как стали жить  
Спустился я на землю с чердака  
Солдат давно разбитого полка...

## Tour de France

Трудный воздух велогонов.  
Жар от маек и штанов.  
Жар от ликровых трусов.  
Тыщи ваших голосов,  
Расположенных на склонах...

Запах пота и ликры...  
Две раздутые икры  
Над педалями вращенье  
И мельканье, и стремленье  
Пиренейской мошкары  
Среди зноя и жары

Велогонка, где шары  
Над фанатами вверх рвутся,  
Где и плачут, и смеются.  
Женщины все как сестры.  
И все Жаннами зовутся.

Жив ли президент в Ташкенте?  
«Умер», – пишут нам на ленте  
А на ленте на другой  
Пишут, что живой

– Видел ли кто-нибудь президента?  
«На обследовании в госпитале», – пишет лента  
«Его прилетел подымать Бокерия», —  
Пишет в Фейсбуке Валерия...

Бокерия полёт в Ташкент отрицает,  
Он в Москве и ничего не знает  
Эксперт же Аркадий Дубнов:  
«Источники утверждают, что мёртв!» «Нет, здоров», —  
отрицает пресс-служба президента  
Алеет Восток, подсыхает плацента  
Военные базы стоят ошестинясь  
В мозгу метастазы, ползут его, глинясь...

## **Пятнадцать человек на сундук мертвеца**

Как идут пятнадцать строем  
В зареве войны  
Уступают своим воем  
Только слугам сатаны...

Их не любят Афродиты,  
Грубые они  
На плечах у них набиты...

Как у матросни

У тюремных как жиганов —

Жуткие тату

Привокзальных ресторанов,

тюрем красоту

прославляют их наколки

Болевой приём

Пистолеты, финки, волки

И с русалкой гном

Гениталии скрестили...

Страшен их отряд

Вот опять они завыли

Все пятнадцать в ряд...

Простая толстая тетрадь

Под ручкой шариковой, грубой

Зима покрыла белой шубой

Всё то что нужно покрывать

Сезоны нам не выбирать...

По льду бродяга на коньках

летит рекою, как комета,

«Что разве здесь же было лето?»

Хочу спросить его в слезах

– Что разве доли зеленели?

И пчёлы всякие летели

И в развевающихся снах

Дул тёплый ветерок впотьмах..?

Пообещав любые ноты

У женщин старится душа,

Она уходит под кого-то

Смешными ножками спеша...

А ты, печальный сластолюбец

Сидящий дома взаперти

На сердце поимеешь рубец

И некуда тебе идти...

## **Димочка парижский**

От жизни, Димочка, Димон.

Остался только лёгкий звон

В твоих ушах, пижон ленивый

Ты облетел, как цвет у сливы...

Ну что, седая борода?!

На RER спешишь туда,

Где только тёмные арабы,  
И девки их, мешки-хиджабы

На тёмных чреслах волокут  
Что, милый жизни проститут?  
Ты доигрался? Как там корты?  
Сквозь поколенияв когорты  
Ты бродишь нищим стариком  
Ни с кем из новых не знаком...

Что толку ехать было в Францию  
И в Люксембургский сад ходить  
Когда ты в высшую инстанцию  
Не смог ведь душу просочить

Что неудачник, что бедняга?  
Советского объелся флага  
И никому не нужен, жив  
Заглох ведь твой локомотив,  
И твои слабенькие силы  
Едва дотащат до могилы...

Ты видел, как бурлил Париж,  
Читая книгу о Лимонове?  
Ну что, мой друг, сидишь грустишь.  
Бредёшь в своём жилом промзонове.

Привет тебе, хоть ты и нем  
И не захочешь мне ответить  
Всегда бежал ты острых тем,  
Предпочитал их не заметить...

А смерть там ждёт: она как жук  
Стоит на задних крепких ножках  
Из Радио Свободы, друг,  
Ты выброшен был вдруг, как кошка

## Себе

Ты в семнадцать страдал от любви  
И в семьдесят три ты страдал...  
Неаккуратно ты жил  
И меры не соблюдал...

Ну вот и пеняй на себя, mon cheri  
Сиди, и башкой вари!

Меры не соблюдал  
Влюблялся в их поп овал  
И в ножки прелестные крошек  
По яйцам тебе этих ножек

Прошлись остроносые зубы  
На яйцах следы их, порубы  
Ну что, получил, получил!  
За то, что так страстно любил..!

Придут обветренные товарищи  
Пропахшие потом работы простой  
А после картошку смиренно варящие  
В кастрюле с рваной щекой

У рек ледяных побывавшие  
Возившие в Польшу бензин  
И мыло потом воровавшие  
В тюремный идя карантин,  
Как будто идут в магазин...

Придут оголтелые хлопцы  
Рассядутся, словно Хеопцы  
Как каменные истуканы,  
Сжимая клешнями стаканы...

Тверда рука бойца из РКК,  
И верен глазомер  
Любого победит такой старпер,  
Впоследствии служивший у ЧК

Таскал наган, стучавший по бедру  
В глаз задувало на ветру  
Московской армии реглан  
Носил как бравый англичан

В бою как Луначарский смел,  
И коршуном на девку падая  
Он не питался чёрной падалью,  
Но мяса тёплого хотел...  
Во рту горячем, кровью тающего,  
И если видел утопающего,  
То «Пусть ко дну идёт!» – шипел...

Нечаев похож на Артюра Рембо  
Но это понять архивистам слабо,  
И тот, и другой – два поэта.

Стояло роскошное лето  
Когда убиваем студент Иванов.  
Закат же тогда отмечался багров  
Нечёткий был контур предмета...

Лежала на всём древнерусская пыль  
И небо с орлами двуглавыми  
И вечер свою распластал ваниль  
Над гротом с подложными лавами...

Тужурки таща ивановской края  
«Россия, Россия, Россия моя...!» —  
Студенты согласные пели.  
Как дикие орки в апреле...

Нет смысла объяснять и вразумлять.  
Куда практичней взять тебя за попу  
И долго, вдохновенно проникать  
Как злой мигрант в блондиночку Европу...

Что женщина: в ней можно отыскать  
И те места, куда нелегко доступ.  
Не нужно говорить «Давай опять»  
А нужно ей шептать «Продолжим!» просто

В рубашечке! Столь вдохновенный вид.  
И выскользнула грудка, словно чашка  
Лежит, разгоряченная, сопит  
О современница моя, бедняжка!

## **Гео-графия**

Гео-графия! Празднично звучит  
Планеты нашей складки и разломы  
Её ликующие водоёмы

В развалинах Гоморры и Содомы.  
И гор её великий внешний вид.

На темени – медведей бег на льдинах  
И Арктики студёная волна  
Как шапка, придавившая седины  
Лихого, молодого колдуна

Гео-графия. В моде ты всегда,  
Тебя исследовать спешат ночами  
И корабли, плывущие с волнами  
Угольным жаром пахнущие поезда  
И злые негры с белыми зубами

Гео-графия! Покидая дом  
Бежит к тебе ребёнок буржуазный  
Чтоб спать в твоих кустах, мятежный гном,  
Всё время издающий стон протяжный...

В Египте чёрный ил, и там накалена  
Ты докрасна, пустыни сковородка...  
А шхуны всё бегут, покачиваясь ходко...  
На что цивилизация нужна..?  
Ну чтобы принесла нам виски с водкой..?

Нет, чтобы воевали племена...

В эти октябрьские холода  
Со свистом летают кометы  
И можешь увидеть ты без труда  
Как умирают предметы...

День «воскресения» завтра придёт  
Сколько таких воскресений  
Прожил уже мой большой народ,  
Собранный из сомнений

В небе кометы, как трассеры бьют,  
Красными точками шарят

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.